

Светлой памяти архитектора Марины Федоровой

Жизнь и творческие труды глазами сына –
архимандрита Александра

В ночь с 21 на 22 сентября завершила свой земной путь архитектор Марина Александровна Федорова. Слово «архитектор» в данном случае неотъемлемое определение. Мы постараемся в этом убедиться, хотя направленность ее трудов не всегда была привычно-традиционной. Но это лишний раз убеждает нас в том, какой разнообразный потенциал несет в себе архитектурная профессия. Многие коллеги помнят ее по совместной работе в проектных институтах (не только нашего города) и по активной общественной деятельности в Союзе архитекторов в 70-е годы. Не менее инициативным и творческим оказался и завершающий период жизни.

Марина Федорова в конце школы

Марина Александровна родилась в Ленинграде 2 декабря 1939 года. Мама ее, Мария Федоровна, в девичестве Лапонина, – из Подмоскovie, еще в юности приехала в Ленинград; скромно занимаясь шитьем, она своими руками поддерживала в трудные годы семью, но в то же время благодаря этой работе оказалась включенной в разнообразные светские отношения со многими интересными людьми. Папа, Александр Георгиевич Федоров, родился в Петербурге, в купеческой семье (его отец погиб в 1918 году); он был инженером-строителем, работал на небольших административных должностях, очень любил и знал город, его архитектуру, что успел передать не только дочери, но впоследствии и маленькому внуку, названному в честь деда. Александр Георгиевич был и репрессирован, так что некоторое время, в школьном возрасте, Марина, очень любившая отца, и ее старший брат находились в непростом положении. К этому надо добавить недавнее блокадное детство, с упоминанием о чудесных эпизодах спасения семьи: например, машина, в которой эвакуировались Федоровы, сломалась перед самым выездом на ладожский лед, а потом оказалось, что весь эшелон, ушедший вперед, разбомбили... Такого рода случаи не были единичным. Затем эвакуация через

Новосибирск в Среднюю Азию, потом Подмоскovie и возвращение в свой город. Так что уже в детстве началось знакомство с необъятными просторами – это все впоследствии пригодится.

Конец 50-х и начало 60-х – время обучения на архитектурном факультете Инженерно-строительного института, время снятия «железного занавеса», а потому очень живой интерес творческой молодежи ко всему, что происходило в мире, в том числе в области архитектуры. Но наибольший интерес у нашей студентки вызвала возможность градостроительной специализации. В то же время это начало живых и плодотворных контактов с коллегами. Вот как уже в нынешние прощальные дни охарактеризовал свою однокурсницу будущий проректор того же института Леонид Павлович Лавров: «Когда передо мною появляется картина студенческих лет, Марина Федорова занимает в ней особое место – это определялось не только ее замечательными внешними данными, но и острым умом, умением говорить с людьми, принципиальностью и дружелюбием. Такой я ее помнил и буду помнить...» В институте Марина знакомится с будущим мужем, Николаем Николаевичем Барановым, представителем архитектурной семьи во многих поколениях. К сожалению, пути их вскоре разошлись, хотя это супружество имело самое доброе продолжение, определившееся рождением в 1961 году сына, ставшего впоследствии историком архитектуры и священнослужителем. Второй брак, с Генрихом Робертовичем Олло – инженером подводных работ по специальности, – продлился семь лет. В 60-х – первой половине 70-х Марина носила такую необычную эстонскую фамилию, так подписаны многие ее проекты. Если не считать более ранних ее поездок – на Рижское взморье с мамой или самостоятельно в Ялту, в дом творчества писателей, – то первой деловой инициативой, связанной с путешествием, стало прохождение проектной практики в Душанбе. Там же Марина немножко увлеклась конным спортом, что было засвидетельствовано ее малолетним сыном, остававшимся с бабушкой и дедушкой, который вдруг увидел ее в этом необычном качестве на экране телевизора... Кстати, в юности и некоторые другие виды спорта были ей не чужды. Темой дипломного проекта стала планировка города Петрокрепость с созданием музейного комплекса при крепости Орешек. Работа эта, с одной стороны, градостроительная, требовавшая как функциональных, так и композиционных решений для небольшого городка, и в то же время она направлена на бережное отношение к

М.А. Федорова. Вид из окна дома. Акварель

памятнику, при поиске новых форм в исторической среде. Дальнейшая, уже взрослая, творческая биография Марины Александровны легко делится на четыре части по основным местам ее пребывания и трудов: Красноярск, Ленинград, Ереван и уже постсоветский Петербург. Наверное, не без элементов романтики 60-х состоялось решение после окончания ЛИСИ отправиться работать в Красноярск. Именно здесь за несколько лет, работая в институте «Красноярскгражданпроект» до 1968 года, она сформировалась как профессиональный архитектор-градостроитель. В огромном количестве работ по Красноярскому краю как автор или соавтор она участвовала за это время: проекты детальной планировки районов Красноярска и Канска, генпланы Енисейска, поселка Нижний Ингаш, городов Шагонара, Туры и многое другое. При этом каждый раз требовались вхождение в

жизнь конкретного города или поселка, встречи с людьми, обстоятельные переговоры с местной администрацией, иногда с забавными эпизодами («Вы нам расчертили всю Туру» или «Это будем строить, а это не будем» – о разных ракурсах одного здания; потом участие в инспекционной поездке по резолюции Брежнева: «Подумайте, что сделать, чтобы народу жилось лучше»...). Однако запомнилось и одно очень деловое и конструктивное заседание под председательством первого секретаря Красноярского крайкома Владимира Ивановича Долгих, с которым потом, спустя много лет, ей еще придется встретиться во время кризисной ситуации в Армении. После смерти в Ленинграде отца, Александра Георгиевича, в 1966 году пришлось и пятилетнего Сашу взять в Красноярск, но через два года ему надо было идти в школу, и семья вернулась домой. Начался ленинградский период

М.А. Федорова.
Автопортрет. Рисунок.

работы. Он связан с двумя проектными институтами: «ЛенНИИП Градостроительства» (который тогда размещался в одном здании со знаменитым «Рубином») и «Ленгипрогор». В этот период объектами творчества Марины Александровны и ее коллег становились в разное время города Казахстана Кустанай и Балхаш, Ярославль и Ярославская область, Ульяновск, север Кольского полуострова. Конечно, были необходимы частые и очень насыщенные командировки. Пригодился и Красноярский опыт, но включение в деятельность названных институтов особо ценно, так как здесь методически отлаживалась та последовательность и поэтапность градостроительных разработок (районная планировка, генплан, ПДП, предшествовавшие проектированию отдельных объектов), чем характеризовалась практика отечественного градостроительства, увы, совсем разрушенная в новейшее время. Но тогда большинство работ находились в различных стадиях осуществления, часто впоследствии с какими-то корректировками, однако это был живой, творческий и одновременно коллегиальный процесс, функционально взаимосвязанный с самыми разными

сторонами жизни общества.

В свою долгую летнюю командировку по Ярославлю и области удалось взять с собой четырнадцатилетнего сына, на которого огромное духовное впечатление произвели малые русские города и их большей частью разрушенные храмы. После этого, спустя менее двух лет, другая совместная поездка, во Псков, увенчалась крещением Александра, которое в те еще непростые для Церкви годы, по просьбе Марины Александровны, помог организовать замечательный человек, главный архитектор Пскова тех лет, Виктор Федорович Подгорный.

Марина Александровна никогда не занимала административных должностей. Долго была руководителем группы, потом ГАПом. В 70-е годы, наряду с основным профессиональным творческим трудом, она очень неформально вошла в общественную жизнь Ленинградского отделения Союза архитекторов, где через некоторое время ее избрали на должность председателя Совета Дома архитектора, – то есть речь идет не об отделении Союза, которое возглавлял Сергей Борисович Сперанский, а об организации под его началом жизни во всем хорошо известном особняке Половцевых. Тогда в Доме архитектора появился молодежный театр, часто здесь проходили интереснейшие встречи, лекции, курсы занятий для подрастающего поколения. Жизнь Союза, действительно, была ключом.

Но и этот период пришел к концу. Завершался четвертый десяток лет, сын уже поступил в Академию художеств, мама, Мария Федоровна, еще достаточно активна. Как раз тут-то Марина Александровна и встретила свое особое счастливое время. Она познакомилась с удивительным и достойнейшим человеком, зрелым, ответственным и опытным, отцом троих сыновей – Мартыном Григорьевичем Микаеляном из Еревана, известным архитектором, автором многих очень интересных работ в Армении. Они вступили в брак, и на 17 лет, до кончины мужа в 1997 году, Армения стала основным местом ее жизни и работы. Можно отдельно говорить об этой сказочной стране, но тогда потребовалось бы слишком много времени. Скажем о новом роде профессиональной деятельности, который начался для Марины Александровны.

Работа в Ереване носила градостроительно-экологический характер. Речь идет о наложении на схему генплана всех зон наиболее неблагоприятных выбросов. При этом возникает возможность достаточно точного определения их источников, что без градостроительной подосновы сделать практически невозможно. Марина Александровна

1 – М.А.Федорова. Южный пейзаж. Акварель

2 – М.А.Федорова. Портрет сына. Рисунок

3 – М.А.Федорова. Студенческий рисунок головы Аполлона

Марина Александровна
перед отъездом в Ереван

сумела здесь разработать необходимые методики, ей приходилось профессионально общаться с очень широким кругом специалистов разного профиля в разных городах. Работа велась для Еревана, но ее принципы легко могли бы быть применимы к любому другому городу. Противления такой работе, конечно, следовало ожидать, так как она часто вскрывала криминальные составляющие экологического состояния города. Тем не менее работа проводилась планомерно и результативно. Все это требовало и большого мужества, и дипломатической мудрости.

Последующий развал страны, как

и отсутствие у ответственных лиц понимания всеохватных возможностей последовательной градостроительной деятельности, привели к нынешнему нулевому интересу к данным разработкам, которые по сей день в своих многочисленных томах в Ереване, увы, остаются невостребованными.

Наряду с профессиональными проблемами, в Армении конца 80-х – начала 90-х актуальной стала и общественная позиция человека, равнодушного к происходящему. Межнациональные и межрелигиозные конфликты, приводящие к страданию многих и многих, последующая блокада и экономический кризис, были несоизмеримы с тем, что происходило тогда в других регионах распадавшегося государства. Встречаясь с высокими представителями власти еще единой страны, Марина Александровна – человек, имеющий одновременно и сторонний, и внутренний взгляд на события, – как могла, объясняла им причины происходящего. Тем более что некоторые ранее имевшие место деловые встречи «по ту сторону линии фронта» не оставили ни малейшего сомнения в грандиозных геополитических основах конфликта. Россия напрямую столкнулась со всем этим несколько позднее: сколь же важным был опыт-предостережение, прозвучавший тогда из Армении как из своего рода форпоста европейской цивилизации на Востоке!

Незадолго до смерти Мартына Григорьевича супруги совместно проделали одну частную работу, специфичную

для середины 90-х. Труд отчасти архитектурный, отчасти административно-организационный. Им удалось помочь очередной группе военнослужащих, возвращавшихся в Россию, обрести постоянное жилье в Петербурге. Овдовев и через полтора года похоронив маму, Марию Федоровну, Марина Александровна уже постоянно жила в родном городе с сыном. Полтора десятилетия домашнего образа жизни на пенсии оказались не менее интенсивными, чем молодые годы. Активность связана с защитой своего родного и любимого дома на Петроградской стороне, так называемого Дома бывших политкаторжан, где семья жила с конца войны. Это интересное по архитектурному решению конструктивистское здание оказалось весьма уязвимым в новых постсоветских условиях, как и многие другие дома в центре города. Тут была настоящая битва, причем в несколько этапов: с потенциальными, весьма сомнительными, ТСЖ, с «мансардниками», с «рекламщиками» – многим памятна уродливая красная вывеска «АРИСТОН», довлевшая с крыши дома надо всей центральной акваторией Невы. Последняя победа была удостоена даже реплики губернатора, похвалившей за активную позицию жителей Дома политкаторжан. Но главное, что было сделано – это реальное спасение здания от обрушения после того, как въехавший в дом новый хозяин одной из квартир занялся ее безграмотной перепланировкой с помощью так называемых «дизайнеров»... К 300-летию города фасады планировалось просто «припудрить», но Марине Александровне удалось добиться включения в городскую адресную программу «вновь выявленного объекта КГИОП» для ряда капитальных работ, полностью предотвративших дальнейшее сползание перекрытий. Осталось несколько папок переписки и технической документации, по которым теперь можно было бы создать интригующее детективное литературное произведение.

Горячее участие Марина Александровна принимала в судьбе своего сына, Александра. Так было всегда, во все периоды жизни, даже в ее ереванский период, на который наложились окончание им института, недолгая работа в Ленгипрогоре, служба в армии, аспирантура, начало преподавательской деятельности, принятие священного сана, настоятельства в храме Академии художеств. А последнему периоду соответствовали также служба в Петропавловском соборе, руководство Епархиальной архитектурной комиссией и многое другое. На этих этапах, как и раньше, она не просто становилась свидетелем, но, когда было нужно, давала своевременный совет,

М.А.Федорова. Планировка
Петрокрепости.
Дипломный проект. Макет

М.А.Фёдорова. Посёлок
Нижний Ингаш. Генплан.

ЛенНИИПградостроительства
(работа в соавторстве).
Кустанай. Макет центра

оказывала заботу и поддержку. И так до своих последних дней.

Необходимо сказать, что подобную помощь от нее получали многие, и о таких эпизодах следовало бы писать отдельно. В той или иной судьбе остается ее добрый след. Вспоминаются, например, ее длительные и вполне успешные хлопоты по устройству в больницу Отта ее невестки (жены старшего сына Мартына Григорьевича), специально приглашенной в Ленинград для благополучного рождения дочери. И еще, что надо отметить, Марина Александровна была принципиальным и при этом до глубины души доброжелательным человеком, общительным с друзьями и родственниками. Она никогда не участвовала в каких-нибудь интригах, не было никакой мстительности или, не дай Бог, желания кому-либо зла. Совсем наоборот.

Последние пять лет Марина Александровна болела и все меньше выходила из дома, но особенно тяжело было в последние полтора года, когда обнаружилось онкологическое заболевание. Оно оказалось неподвластным нашей медицине, но в то же время стало поводом для проявления любви и сострадания со стороны многих активных друзей и помощников. Светлой составляющей почти всего последнего, петербургского, периода, на радость сыну, было постепенное приобщение

матери церковной жизни. Большое значение имела помощь ее духовника, священника Академической церкви протоиерея Андрея Лелина. И кончина рабы Божией Марины была истинно христианской. Долгое время, к постоянному удивлению врачей, не появлялись сильные боли – только в последние недели они стали мучить. Однако и самые последние часы были тихими, таким же был момент ее преставления ко Господу. Перед смертью ушло видимое напряжение и даже исчезли морщины с лица. Оно стало молодым и собранным. Удивительным для многих провожавших и участвовавших в отпевании в храме Академии художеств оказалось то, что при похоронах на пятый день не было никаких признаков тления. Службу совершало все духовенство Академического прихода, а разрешительную молитву прочел отец Андрей. Чудесным стало исполнение желания усопшей лежать рядом с родителями. Ведь там, на Серафимовском кладбище, в непосредственной близости от родительской могилы, не было бы места, если бы деревце, росшее тут же, не раздвинуло за последние годы своими корнями две соседние оградки. В результате ширина оказалась минимально достаточной... Марина Александровна покоится на этом свободном месте прямо напротив родных – мамы, папы, бабушки и других родственников. Вечная и светлая ей память!

